

УДК 811.512.211
UDC 811.512.211

Шарина Сардана Ивановна
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского Отделения Российской Академии Наук
г. Якутск, Российская Федерация
Sardana I. Sharina
The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
Russian Academy of Sciences Siberian Branch
Yakutsk, Russian Federation
sarshar@mail.ru

О ГЛАГОЛЬНОЙ ОСНОВЕ С СУФФИКСОМ -ҢА / -ҢЭ
В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ
THE VERBAL STEM WITH THE SUFFIX
-ҢА / -ҢЭ IN THE EVEN LANGUAGE

Аннотация

В статье рассматривается аналитическая конструкция с предикатным актантом, выраженная глагольной основой с суффиксом *-Ңа / -Ңэ*, к которой добавляется финитная форма отрицательных вспомогательных глаголов со значением «не мочь, быть не в состоянии». Краткий обзор грамматических работ и диалектных описаний эвенского языка показывает, что статус данной формы чётко не определён, несмотря на её присутствие во всех описанных говорах и диалектах. На основании грамматических признаков, которые исключают наличие категории времени, падежное и притяжательное оформление, невозможность изменения по числам, опровергается положение об отнесении глагольной основы с суффиксом *-Ңа / -Ңэ* к причастиям. По семантическому наполнению, морфологическим критериям и синтаксическим признакам форма на *-Ңа / -Ңэ* определяется как деепричастие невозможности / нежелания совершать действие.

Abstract

The article deals with an analytical construction with a predicate actant, expressed by the verbal stem with the suffix *-Ңа / -Ңэ*, to which the finite form of the negative auxiliary verb with the meaning «can not be, can not» is added. Brief review of literature describing the Even grammar of various dialects shows contradictory status of this stem, although it is present in all Even dialects and local accents explored. Grammatical features that exclude the presence of the categories of time, case including possessive form, and the impossibility of changing number are used to reject the traditional statement of referring the verbal stem with the suffix *-Ңа / -Ңэ* to attributive participles. Judging by its semantics, morphological and syntactic features, words with *-Ңа / -Ңэ*, should be rather classified as adverbial participles that denote impossibility / reluctance to perform an action.

Ключевые слова: эвенский язык, причастия, деепричастия, грамматические признаки.

Keywords: the Even language, attributive participles, adverbial participles, grammatical features.

doi: 10.22250/24107190_2018_4_3_114_122

1. Введение

Исследование глагола и различных его форм является одним из наиболее сложных аспектов в тунгусо-маньчжурском языкознании, что определяет интерес к нему многих исследователей на протяжении всего периода научного анализа данной группы языков. Эвенский глагол, представляющий процессный признак, может быть охарактеризован с разных точек зрения. Но, прежде всего, в силу агглютинативного характера эвенского языка, он интересен большим разнообразием и обилием морфологических форм. Например, А. А. Бурыкин выделил 27 разрядов категории вида и способов глагольного действия с большим количеством разнообразных суффиксов [Бурыкин, 2003]. В эвенском языке различение и отнесение инвентаря имеющихся глагольных суффиксальных морфем по различным грамматическим классам, обладающим определёнными грамматическими категориями и семантикой, не вызывает особых трудностей. Все исследователи эвенского языка отчётливо различают формы вида, залога, наклонения, причастные и деепричастные формы.

Однако, насколько можно судить по материалам недостаточно изученных и не имеющих систематического описания говоров и диалектов, следует также подчеркнуть и наличие некоторых нерешённых вопросов и спорных точек зрения, связанных с составом и грамматическим статусом причастных и деепричастных форм эвенского языка [Шарина, 2016, 2017]. Здесь важно отметить, что мы придерживаемся точки зрения, согласно которой причастия и деепричастия являются особыми формами глагола [Роббек, 2007, с. 537].

В данной связи наше внимание привлекает аналитическая конструкция с предикатным актантом, выраженная глагольной основой с суффиксом *-на/-нэ*, к которой добавляется финитная форма отрицательного вспомогательного глагола, относящаяся к особой группе модальных слов со значением «не мочь, быть не в состоянии». Аналитическая конструкция обозначает невозможность или нежелание совершать действие, например: *дёмкатна туркурэм* «(я) не могу вспомнить», *нуннан дукна* «(он) не умеет писать», *өсэрэм гиркана* «(я) не в состоянии ходить», *олбаллан хөрнэ* «(он) не в состоянии ехать», *гургэвчиңэ бәнни* «(ты) ленишься работать».

Конструкции, образуемые отрицательно-модальными глаголами (или особой группой модальных глаголов) и тематическим глаголом, оформленным показателем *-на/-нэ*, в рамках описания эвенских говоров и диалектов отмечались почти всеми исследователями.

В. И. Цинциус относил форму на *-на/-нэ* к причастиям с некоторым сомнением: «Глаголы, которые в таких сочетаниях выражают основное значение, принимают или форму специального причастия (?) с суффиксом

-нга/-нгэ...» [Цинциус, 1947, с. 205]. Далее автор классифицирует её как отрицательно-неопределённое причастие: «Причастие отрицательно-неопределённое с суффиксом -нга/-нгэ употребляется с отрицательными модальными глаголами...» [Цинциус, 1947, с. 210].

При описании ольского говора К. А. Новикова отмечала: «Аффиксальный элемент -*на/-нэ* – это, во-видимому, причастный формант <...>, употребляющийся в аналитических конструкциях с отрицательными вспомогательными глаголами», этимологически соотнося -*на/-нэ* с суффиксом одновременного деепричастия давнопрошедшего времени -*нси*, показателем причастия прошедшего времени -*дан/-дэн* и причастия будущего времени -*ди^на/-ди^нэ* [Новикова, 1980, с. 103]. Однако далее, при описании причастий ольского говора, данный формант автором не классифицируется в числе причастных показателей.

Вслед за указанными авторами, В. Д. Лебедев также отмечает наличие данной формы в говорах эвенов Якутии: «...причастия с суфф. -*на/- нэ*, которые употребляются с отрицательными модальными глаголами типа *олбалдэйи*, *туркудэйи* «не мочь», *баадайи* «лениться» [Лебедев, 1978, с. 91]. При описании охотского диалекта он называет данную форму отрицательно-неопределённым причастием [Лебедев, 1982, с. 116].

В последующих исследованиях, посвящённых эвенскому языку и его диалектам, эта форма не классифицируется как причастие, хотя формант обнаруживается во всех описанных восточных и западных говорах. Так, Х. И. Дуткин при описании аллаиховского говора приводит следующее: «... в говоре встречаются отрицательно-модальные глаголы, обозначающие невозможность совершения действия <...>, сочетающиеся с неизменяемой формой тематического глагола (показатель -*на*)» [Дуткин, 1995, с. 48].

Как видно из приведённого краткого обзора, в грамматических работах и диалектных описаниях по эвенскому языку статус данной формы чётко не определён, хотя она встречается во всех описанных говорах и диалектах.

2. Грамматический статус глаголов с формантом -*на* / -*нэ*

При анализе конструкции, образуемой отрицательно-модальными глаголами и тематическим глаголом, оформленным показателем -*на/-нэ*, наряду с данными языковых идиом, имеющих систематическое описание, мы далее будем приводить диалектный материал неизученных и слабо изученных эвенских говоров.

По нашим данным, в западных говорах глагольная основа с суффиксом -*на/-нэ* употребляется в основном с финитной формой отрицательного вспомогательного глагола *туркудэй* «не мочь, быть не в состоянии». Структура аналитической конструкции в западном наречии преимущественно следующая: в предложении сначала стоит глагольная основа с суффиксом -*на/-нэ*, к которой добавляется финитная форма отрицательного вспомогательного глагола *туркудэй* «не мочь, быть не в состоянии», *албадай* «не мочь, не быть в состоянии», *олбадай* «опаздывать, не успевать что-либо делать», или *бāндай* «лениться», *хоттай* «не мочь, не уметь, быть не в состоянии».

Приведём примеры употребления аналитической конструкции с глагольной основой на *-на/-нэ* в западных говорах.

(1) *Он-да мөндэнэ туркуттин* – «Никак не смог найти (он)» (Л).

(2) *Көйөчөлдэ аймакан орол таңнаутно, өмөм дэ урөчөлү бакна туркудис* – «Посмотрите хорошенько на оленье рога, ни одного похожего не сможете найти» (Л).

(3) *Киаба дэбэдүнэ туркун, билган энһэкэн* – «Дед не может есть из-за болезни горла» (Н-К).

(4) *Аһаткан уһив тәна туркун* – «Девочка не может тянуть верёвку» (Н-К).

Нижеследующие примеры показывают, что в восточных говорах строгого порядка следования составных частей аналитической конструкции не прослеживается.

(1) *Өинде һутарими ноһартакитан көйэтнэ туркурин* – «Из-за сверкания Оинде не мог смотреть на них» (Бер).

(2) *Тиэк һу эрэлбу уйамкарбу һөчилрэ, төр мудандулан истала туркудис бакна* – «Догоняйте этих снежных баранов, но даже у края земли вы их не догоните» (Бер).

(3) *Гиркавачисчирин тарйакли, туркун хөрнэ Өинде, тала арисагал һөя* – «Встал, попытался пойти, но не смог сделать шаг Оинде, там было много арисагов» (Бер).

В эвенском языке обнаруживается весьма частотное оформление глагольной основы с суффиксом *-на/-нэ* показателями вида и залога. Примеры:

(1) *га-ван-на* *хэ-рэ-м*
 брать-RAR-CV.UNRL.MOD не мочь-PRS-1Sg

«боюсь (даже) изредка брать»

(2) *нулгэ-ден-нэ* *ба-р*
 кочевать-CON-CV.UNRL.MOD лениться-3Pl

«ленятся (даже) медленно кочевать»

(3) *һәмалка-б-но* *һот-никан*
 узнать-RFL- CV.UNRL.MOD не.мочь-CV.SIM1

«никак не запоминаясь, не опознаваясь»

(4) *амта-вка-сси-на* *һот-май*
 пробовать.на.вкус-CAUS-DIM1-CV.UNRL.MOD не.мочь-INF

«не иметь желания попытаться давать даже попробовать на вкус»

Наличие формы залога (3, 4) и вида (1, 2, 4) характерно и для причастий, и для деепричастий.

Вторая составляющая аналитической конструкции – финитный глагол, относящийся к особой группе модальных слов – в конструкции иногда может принимать аспектуальную форму, например:

тивнэ-нэ *турку-чи-л-лөт-тэ-н*
 остановиться – CV.UNRL.MOD не мочь – DUR-INCH-HAB1-

PRS-3Sg

«(он) обычно никак не мог остановиться».

В восточных и западных говорах возможно использование отрицательного вспомогательного глагола *туркудэй* «не мочь, быть не в состоянии» в форме деепричастий, как в следующих трёх примерах.

(1) *Ноҕон, аканни мэнди тэлээннивэн алатҕа туркуриди, улгимидни* – «Он спросил, так и не дождавшись, что брат сам расскажет» (разновременное деепричастие единственного числа) (Л).

(2) *Өкэтэл һонҕачал, маҕчиҕа туркуридуҕур, үэнэди өкэллөттэ* – «Особо любящие молоко оленята, не выдержав, приходят и сосут важек» (разновременное деепричастие множественного числа) (Л).

(3) *Би элэ хиакитала туркуми ойчивкаҕа тарбат-та бөдөлүтэн мукриди-мэк аран-аран мэһнүми элэ хиакитала ма́риди ойчивканив* – «Я не смог затащить их на дерево и отрезал им ноги и только тогда смог их втащить сюда» (условное деепричастие) (Бер).

Итак, правомерно ли отнесение рассматриваемой формы к причастиям? Причастию как самостоятельному грамматическому классу присуща собственная семантика – действенный признак и определённые морфологические категории. Сомнения и неуверенность исследователей эвенского языка при отнесении форманта *-һа/-һэ* к причастным формам, видимо, объясняются неопределённостью грамматического статуса и несоответствием грамматических особенностей формы на *-һа/-һэ* причастиям, обозначающим признак предмета по действию или само действие, соотносясь по семантике с прилагательными.

Действительно, приверженность *-һа/-һэ* к причастным формам не прослеживается по всем его основным характеристикам. Во-первых, важнейшим грамматическим признаком тунгусо-маньчжурских причастий считается категория времени, глагольная же форма на *-һа/-һэ* не обладает этой категорией непосредственно, вне финитного отрицательного вспомогательного глагола в составе аналитической конструкции. Скорее, она тяготеет к модальному содержанию невозможности или нежелания выполнения действия, нежели к временному.

Во-вторых, глагольные слова, оформленные суффиксом *-һа/-һэ*, не обозначают признак, возникший в результате действия и присущий причастиям.

В-третьих, данная форма не склоняется, не принимает именной суффикс множественного числа и не имеет притяжательной формы, тогда как всем разрядам причастий свойственны указанные изменения и согласования.

Так, основываясь на грамматических признаках, которые исключают наличие категории времени, падежное и притяжательное оформление, невозможность изменения по числам, мы склонны считать, что элемент *-һа/-һэ* не относится к причастным формам.

Рассмотрим некоторые параллели в использовании рассматриваемых форм в эвенской речи. По своей специфической семантике глаголы, оформленные суффиксом *-һа/-һэ*, употребляются только с финитными формами отрицательных вспомогательных глаголов со значением «не мочь, быть не в состоянии» в составе аналитической конструкции. В эвенском языке насчитывается несколько таких глаголов: *туркудэй* «не мочь что-либо сде-

лать», *өсэдэй* «не уметь что-либо делать», *нундай* «не быть в состоянии сделать что-либо», *албадай* «не мочь, не быть в состоянии», *олбадай* «опаздывать, не успевать что-либо делать», *хэдэй* «не мочь, быть не в состоянии что-либо сделать», *бадай* «лениться».

Приведённые глаголы в составе аналитической конструкции могут ещё использоваться с условными деепричастиями на *-ми* и с деепричастиями цели на *-да/-дэ-та/-тэ*. Например: предикатный актант *гөүэ туркурэм* «не могу сказать» соотносим с аналитическими конструкциями *гөндэй туркурэм* «не могу сказать», *гөсчими туркурэм* «пытаюсь сказать, не могу»; предикатному актанту *гиркаңа туркутни* «не может ходить» соответствует *гиркасчими туркутни* «пытаюсь ходить, не может»; конструкция *хөрнэ банни* «ленишься идти» параллельна *хөрдэй банни* «ленишься идти» и так далее.

Рассматриваемая форма сопоставляется с другими деепричастиями и в одинаковом управлении винительным падежом, например:

1) *нёуцаку туркурэм пэктэрэнүэ* «не могу стрелять в волка» – *нёуцаку пэктэрэникэн* «стреляя в волка» (одновременное деепричастие), *нёуцаку пэктэрэми* «если стрелять в волка» (условно-временное деепричастие), *нёуцаку пэктэрэмнин* «как только выстрелил в волка» (последовательное деепричастие), *нёуцаку пэктэрэриди* «выстрелив в волка» (разновременное деепричастие);

2) *учаки гэлэтуэ туркун* «не может найти верхового оленя» – *учаки гэлэтникэн* «разыскивая верхового оленя» (одновременное деепричастие), *учаки гэлэтми* «если искать верхового оленя» (условно-временное деепричастие), *учаки гэлэтниди* «поискав верхового оленя» (разновременное деепричастие) и так далее.

Исходя из приведённых соотнесений и параллелей с деепричастиями, можно предположить общность рассматриваемой формы с эвенскими деепричастиями.

В тунгусо-маньчжуроведении деепричастие определяется следующим образом: «...Деепричастиями мы называем те специальные разряды глагольных слов, которые образуются от глагольных основ посредством особых деепричастных окончаний, выражающих видо-временные и модальные значения, а также зависимость или подчинённость данного деепричастия какому-либо другому глагольному слову – причастию, именной форме глагола, собственно глаголу или деепричастию» [Суник, 1962, с. 264].

В соответствии с данным определением, рассматриваемые аналитические конструкции с предикатными актантами, характеризующиеся наличием глагольных слов, оформленных суффиксом *-на/-нэ*:

1) имеют признаки глагола – семантику, выражающую действие с модальным значением невозможности или нежелательности выполнения;

2) сочетаются отрицательно-модальными финитными глаголами и зависят от них;

3) способны управлять винительным падежом;

4) неспособны изменяться и согласовываться.

Все эти черты присущи эвенским деепричастиям, и в этом состоит их сходство с наречиями. В эвенском языке к неизменяемым ни по числам, ни по лицам деепричастиям относятся: условные (с суффиксом -ми), деепричастия предела (-кан/-кэн) и последовательные (-мнин).

Важно и существенно, что в известных ныне эвенских диалектах формам на -на/-нэ соответствуют весьма разнообразные формы. Только в эвенских диалектах Хабаровского края в таких конструкциях, кроме формы деепричастия на -ми (как в эвенкийском языке), используются разные формы, причём не только неизменяемые [Бурыкин 1988, с. 264]. Оформление конструкций с предикатными актантами в эвенских диалектах требует дальнейших исследований с привлечением новых полевых данных.

3. Заключение

Обзор грамматических работ и диалектных описаний эвенского языка показывает, что статус глагольной формы с суффиксом -на/-нэ чётко не определён, несмотря на её присутствие во всех описанных в лингвистической литературе говорах и диалектах. На основании грамматических признаков, таких, как отсутствие категории времени, падежного и притяжательного оформления, невозможность изменения по числам, следует отвергнуть традиционное положение об отнесении глагольной основы с указанным суффиксом к причастиям. По семантическому наполнению, морфологическим критериям и синтаксическим признакам форма на -на / -нэ должно определяться как деепричастие.

Эта отдельная деепричастная форма эвенского языка имеет распространение во всех известных диалектах и говорах – восточных и западных. Предварительно слова с указанным суффиксом можно назвать деепричастиями невозможности / нежелания совершать действие (CV.unreal.modality), имеющими ограниченную дистрибуцию. Их особенность в том, что они употребляются только в составе аналитической конструкции с финитной формой отрицательных модальных глаголов.

Список сокращений и условных обозначений

- 1 – первое лицо;
- 3 – третье лицо;
- CAUS –каузатив;
- CON –континуатив;
- CV.UNRL.MOD (CV.unreal.modality) – деепричастие невозможности / нежелания совершать действие;
- DIM1 –диминутив 1;
- DUR – дуратив;
- HAB1 – хабитуалис 1;
- INCH – инхоатив;
- INF –инфинитив;
- Pl – множественное число;

PRS – настоящее время;
 RAR – форма редко совершаемого действия (rarely);
 RFL – рефлексив;
 Sg – единственное число;
 Бер – берёзовский говор;
 Л – ламунхинский говор;
 Н-К – нижнеколымский говор.

Список литературы

1. Бурькин, А. А. Лексические особенности диалектов и говоров эвенов Охотского района Хабаровского края [Текст] / А. А. Бурькин // Лингвистические исследования 1988. Проблематика взаимодействия языковых уровней. – М., 1988. – С. 46–53.
2. Бурькин, А. А. О составе способов глагольного действия в эвенском языке и порядковых позициях показателей категориальных форм глагола в эвенской глагольной словоформе (опыт обобщения) [Текст] / А. А. Бурькин // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие : м-лы международной науч. конф. Санкт-Петербург, 22–24 сентября 2003 г. – СПб., 2003. – С. 26–29.
3. Дуткин, Х. И. Аллаиховский говор эвенов Якутии [Текст] / Х. И. Дуткин. – СПб : Наука, 1995. – 144 с.
4. Лебедев, В. Д. Язык эвенов Якутии [Текст] / В. Д. Лебедев. – Л. : Наука, 1978. – 208 с.
5. Лебедев, В. Д. Охотский диалект эвенского языка [Текст] / В. Д. Лебедев. – Л. : Наука, 1982. – 243 с.
6. Новикова, К. А. Очерки диалектов эвенского языка [Текст] / К. А. Новикова. – Л. : Наука, 1980. – 243 с.
7. Роббек, В. А. Грамматические категории эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте [Текст] / В. А. Роббек. – Новосибирск : Наука, 2007. – 725 с.
8. Суник, О. П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках [Текст] / О. П. Суник. – М., Л., 1962. – 363 с.
9. Цинциус, В. И. Очерки грамматики эвенского (ламутского) языка [Текст] / В. И. Цинциус. – Л., 1947. – 270 с.
10. Шарина, С. И. Деепричастие в нижнеколымском говоре эвенского языка [Текст] / С. И. Шарина // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2016. – № 4 (17). – С. 106–111.
11. Шарина, С. И. Причастие в нижнеколымском говоре эвенского языка [Текст] / С. И. Шарина // Сибирский филологический журнал. – 2017. – № 4. – С. 264–270.

References

1. Burykin, A. A. (1988). Leksicheskie osobennosti dialektov i govorov ehvenov Okhotskogo rajjona Khabarovskogo kraja [Lexical peculiarities of the Even dialects of the Okhotsk region of Khabarovsk Territory]. *Lingvisticheskie issledovaniya 1988. Problematika vzaimodeystviya jazykovykh urovney* [Linguistic studies 1988. Challenging issues of language levels interaction] (pp. 46–53). Moscow.

2. Burykin, A. A. (2003). O sostave sposobov glagol'nogo deystviya v evenskom yazyke i poryadkovykh pozitsiyakh pokazateley kategorial'nykh form glagola v evenskoy glagol'noy slovoforme (opyt obobshcheniya) [The system of mode of action verbs in the Even language and position order indicators of categorial verb forms in the Even verb forms (An experience of generalization)]. *Grammaticheskie kategorii: ierarkhii, svyazi, vzaimodeystvie* [Grammatical categories: Hierarchies, connections, relations]: Proc. of the International Scientific Conference, St-Petersburg, September 22–24, 2003 (pp. 26–29). St-Petersburg.
3. Dutkin, Kh. I. (1995). *Allaikhovskiy govor evenov Yakutii* [Allahovsky dialect of Evens of Yakutia]. St-Petersburg : Nauka Press.
4. Lebedev, V. D. (1978). *Yazyk evenov Yakutii* [Language of Evens of Yakutia]. Leningrad : Nauka Press.
5. Lebedev, V. D. (1982). *Okhotskiy dialekt evenskogo yazyka* [The Okhotsk dialect of the Even language]. Leningrad : Nauka Press.
6. Novikova, K. A. (1980). *Ocherki dialektov evenskogo yazyka* [Essays on the dialects of the Even language]. Leningrad : Nauka Press.
7. Robbek, V. A. (2007). *Grammaticheskiye kategorii evenskogo glagola v funktsional'no-semanticheskom aspekte* [Grammatical categories of the Even verb in the functional-semantic aspect]. Novosibirsk : Nauka Press.
8. Sunik, O. P. (1962). *Glagol v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh* [A verb in the Tungus-Manchu languages]. Moscow, Leningrad.
9. Tsintsius, V. I. (1947). *Ocherki grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyka* [Essays on the grammar of the Even language (Lamut)]. Leningrad.
10. Sharina, S. I. (2016). Deyeprichastiye v nizhnekolymskom govore evenskogo yazyka [Adverbial-participial in Nizhnekolymskiy dialect of the Even language]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik* [North-Eastern Journal of Humanities], 4 (17), 106–111.
11. Sharina, S. I. (2017). Prichastiye v nizhnekolymskom govore evenskogo yazyka [The participle in Nizhnekolymskiy dialect of Even language]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian Philological Journal], 4, 264–270.